Евтушенко Е.

1/1-89

новогодние встречи: Евгений ЕВТУШЕНКО

Спокойным я быть не сумею

Моск. правда. - 1989. - 1 янв

В канун Нового года всегда говорят о годе прошедшем. Что из него уйдет вместе с боем курантов, а что сохранится — яркими воспоминаниями, созданными произведениями, интересными встречами? С Евгением Евтушенко, вернувшимся недавно из Соединенных Штатов Америки, разговор зашел в первую очередь о том, чем для него была интересна и знаменательна эта поездка.

— В издательстве «Викинг» у меня вышла книга фотографий, в работе над которой участвовал американский фотограф Бойд Нортон. Книга называется «Разделенные близнецы» и знакомит читателей с людьми, природой и животным миром Аляски, Чукотки, Камчатки, Командорских островов, станции Зима. Бойд Нортон делал снимки по одну сторону Берингова пролива, а я — по другую.

Книга двуязычная — на английском и на русском, но издание ее у нас требует валютных затрат, а это вопрос сложный. Пока попасть в планы наших издательств мне не удалось.

В Соединенных Штатах сейчас готовится к изданию самый мой представительный сборник стихов — «40 лет в поэзии» — двадцать две тысячи строк, около шестисот страниц. В него войдут лучшие стихи из предыдущих англоязычных изданий, а также новые переводы, которые я и редактировал сейчас вместе с моими переводчиками. Сборник выйдет в свет через год или чуть позже.

Заодно я решил издать свою маленькую книжечку стихов в переводе на английский вместе с манифестом общества «Мемориал». Книжка вышла через шесть дней после сдачи рукописи в издательство — 24 страницы с фотографиями и цветным вкладышем. Это рекордный срок даже для США. Половину тиража, а он составил три тысячи, сразу же раскупили — во время моих поэтических вечеров.

— Вечера были запланированы заранее или это была импровизация?

— В значительной степени — импровизация, хотя, вылетая в Нью-Йорк, я надеялся, что смогу там выступить. Помогли мои давние американские друзья, которые оказали содействие в организационных вопросах, а также разделили со мной финансовый риск данного предприятия. Все шесть вечеров, несмотря на довольно скудную рекламу, прошли при переполненной аудитории.

Надо сказать, что при оформлении сцены и зала были использованы произведения моих товарищей по искусству, живущих сейчас за границей, — картина Олега Целкова, о котором я ранее писал в «Литературной газете», скульптуры Эрнста Неизвестного — того самого, кто первый, еще лет двадцать пять назад, задумал монумент жертвам сталинизма. Сейчас он изъявил желание участвовать в конкурсе проектов этого монумента.

— Судя по вашим рассказам, участие в «Неделе совести» сразу по возвращении в Москву стало естественным продолжением ваших нью-йоркских выступлений?

— В известной мере да. Рабочий класс МЭЛЗа, дирекция, Фонд культуры делают большое агитационно - просветительское дело по восстановлению нашей исторической памяти. Потрясающая выставка с фотографиями жертв репрессий была оформлена просто, но мощно. Из всех проектов будущего мемориала больше всего мне понравился котлован, заполненный водой, лагерные вышки на берегу и две гигантские руки тонущего человека, судорожно цепляющиеся за берег.

Правда, мне не нравится само название — «Неделя совести». Так мы завтра объявим «День чистых ногтей» или «День непахнущих носков». Я нарочно пародирую, ибо «Неделя совести» — это кампания, что следует уже из самого названия, указывающего точные сроки. А все мы должны жить по совести ежедневно. Совесть должна стать нормой жизни, а не мероприятием.

— Если бы так было, то нас миновали бы многие беды, и перестройка не встречала бы таких препятствий на своем пути. Впрочем, живи все по совести, в самой перестройке нужды бы не было. А как относятся к нашим перестроечным процессам в США?

— В Соединенных Штатах, как и в других странах Запада, неуспеха перестройке желают лишь три категории людей.

В первой те, кто уехал от нас в злобе и преисполнился еще большей злобы, находясь там. Не подумайте, что я обвиняю всю эмиграцию. Многие люди, вынужденные в свое время выехать за рубеж, болеют за перестройку. Немало таких в среде творческой интеллигенции, видящей в ней перспективы своего будущего — возможность выставляться, издаваться у себя на родине, может, и совсем вернуться. Но есть и те, кто сделал своей «профессией» накаркивание бед. Успех перестройки сведет на нет все их теории, станет доказательством, что они ошиблись, покинув поле боя, и борьбу за демократию выиграли другие, истинные патриоты и бойцы.

Вторая категория западных антиперестроечников — это тамошняя реакция. Она вбивает в головы с помощью средств массовой информации, что перестройка — это только трюк, маневр, хитрая игра Кремля, направленная на то, чтобы отвлечь внимание, заставить Запад уничтожить ядерные запасы и тогда взять его, что называется, голыми руками.

И третья категория — это ультралевые элементы, которым не нравится, что мы стали на путь сочетания государственного производства и частной инициативы. Такие «леваки» закоснели в своем понимании революционных преобразований на стадии военного коммунизма 20-х годов и китайской культурной революции.

Но внешние противники перестройки гораздо менее опасны, чем реакция внутренняя.

— Как-то непривычно слышать о внутренней реакции, о реакционерах. Гораздо чаще мы говорим о бюрократах, консерваторах, зажимщиках критики...

— Пора назвать вещи своими именами. Почему мы боимся слова «реакция» и кокетливо называем наших реакционеров консерваторами? Между двумя этими категориями огромная моральная пропасть.

Реакционеры смертельно боятся демократического развития, ибо из-под них могут выдернуть насиженные кресла. У них не идеология, а креслоология. К сожалению, люди с реакционными взглядами встречаются и в среде рабочих, крестьян, творческой интеллигенции. Иногда такие взгляды проистекают не от ярого сталинизма, а от исторического невежества, от социальной непросвещенности. Если представить убедительные доказательства таким общественно не определившимся людям, то некоторые из них смогут стать здоровыми консерваторами, а значит — союзниками.

Здоровый консерватизм стоит за демократические преобразования в народных интересах, но он осторожен. Здоровый консерватизм даже полезен, ибо он сдерживает прогрессистов, бегущих впереди прогресса. При этом в обществе сохраняется баланс. Однако мы должны быть готовыми и к тому, что кое-кто из прогрессистов перейдет в отряд консерваторов...

Да, мы живем в сложное время. И если уж обращаться к метафорам, то перестройку можно сравнить с горной рекой, превращающейся во время таяния снегов в могучий стремительный поток, обладающий неукротимой энергией. Но несет река весной и бревна, и какие-то обломки, и мусор, скопившийся на берегах, и бурые от грязи льдины. Так неужели мы будем судить о ней лишь по этим временным внешним приметам, которые, кстати, совершенно неизбежны в данный период? Нам надо подумать, как разумно использовать заключенную в потоке энергию. Но здесь нередко начинает действовать еще один серьезный фактор против перестройки. Это — общественная пассивность.

Однако общественная пассивность неоднородна. Есть выжидательно-надеющаяся, а есть посмеивающаяся, издевательская. Между двумя этими категориями существует мостик. Если не удастся добиться в ближайшее время никаких экономических успехов, то многие от выжидательной пассивности перейдут к циничной, ухмыляющейся. И, наоборот, даже небольшие победы на пути демократических, социальных, экономических преобразований могут значительно увеличить число участников перестройки за счет тех, кто, наконец поверив, обретет общественную активность.

— Ну, а как же все-таки обрести, по вашему мнению, союзников среди колеблющихся?

— Конечно, сильнее всего убеждает то, что можно потрогать, попробовать, положить в карман. Однако нельзя забывать и такой банальный, но мудрый постулат, что истина рождается в споре.

Казалось бы, в период гласности у всех есть возможность высказаться. Но сейчас в основном говорят о прошлом, о том, что длительное время находилось под запретом. Это вполне объяснимо, еще долго в нас будет жить потребность выговориться за все прошедшие годы. Но надо научиться разговаривать и о настоящем.

— Евгений Александрович, давайте вернемся к литературным процессам. Сейчас, и на этом сошлись многие, публицистика далеко опережает и прозу, и поэзию.

— Публицистика — более мобильный жанр. В литературе всегда какой-то жанр лидирует. В 50—60-е годы передовые позиции занимала поэзия, которая была предвестницей нынешней гласности, затем вперед вышла проза, теперь — публицистика. Читатели всегда тянулись к произведениям политически и социально заостренным. Но здесь есть опасность что-то проморгать, упустить из виду интересного писателя.

Для меня, например, среди мастеров художественной прозы писателем номер один является Владимир Маканин. А многие его не замечают, потому что он кажется им несенсационным, потому что не пишет громких статей, никого вроде бы не разоблачает.

Еще один пример. Недавно состоялось открытие (не боюсь этого слова) нового крупного поэта — Вадима Антонова. Его стихи с моим предисловием были опубликованы в «Книжном обозрении».

Нельзя требовать от писателей немедленного отклика на текущие события. Долгое время официальные позиции у нас занимала литература-однодневка. Хватит. Необходимы серьезное осмысление происходящих в нашем обществе процессов, их глубокий философский и художественный анализ. Но это не исключает и социально-политической заостренности поэзии, если она действительно поэзия, и обращения мастеров слова к жанру публицистики. Главное, чтобы твоим пером двигали не конъюнктура, не корысть, не жажда сиюминутной славы, а «души прекрасные порывы».

Беседу вела
Л. ФОМИНА.